Старовойтов Михаил Карпович
д-р экон. наук, профессор
Волжский политехнический институт (филиал) ФГБОУ ВО
«Волгоградский государственный технический университет»
г. Волжский, Волгоградская область
Старовойтов Антон Ильич
аспирант
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет»
г. Волгоград, Волгоградская область
Бабакин Василий Константинович
аспирант
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет»
г. Волгоград, Волгоградская область

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ САМОЗАНЯТОСТИ И МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА ЗАНЯТОСТЬ, ДОХОДЫ И БЮДЖЕТ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: *в статье оценивается вклад малого и среднего предпринимательства (МСП) и самозанятости в занятость, доходы населения и бюджет Волгоградской области в 2017–2026 гг. в сравнении с другими регионами Южного федерального округа. Проверены две гипотезы: о структурном замещении внутри предпринимательского сектора и о преимущественно легализационном эффекте налога на профессиональный доход (НПД). Использованы данные ФНС России о субъектах МСП и самозанятых, региональная статистика и закон об исполнении областного бюджета за 2025 г. Установлено, что при росте числа субъектов МСП лишь на 2,8% число юридических лиц сократилось на 40,5%, а численность работников субъектов МСП – на 23,3%; прирост сектора обеспечили индивидуальные предприниматели и самозанятые. Самозанятые задекларировали за 2025 г. 35,8 млрд руб. дохода, тогда как НПД принёс областному*

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

бюджету 0,96 млрд руб. Обе гипотезы подтверждены; предложены меры региональной политики: «лестница роста» для самозанятых, новые целевые показатели поддержки МСП и муниципальный мониторинг сектора.

Ключевые слова: *малое и среднее предпринимательство, самозанятость, налог на профессиональный доход, занятость, доходы населения, региональный бюджет, структурное замещение, Волгоградская область.*

С 2019 г. к сектору малого и среднего предпринимательства (МСП) добавился массовый слой самозанятых – плательщиков налога на профессиональный доход (НПД): к 30.09.2026 их число в России достигло 17,7 млн [7]. Поэтому экономический эффект малого бизнеса сегодня нельзя оценить без учёта самозанятости. Для Волгоградской области – старопромышленного региона с сокращающимся населением и снижающимся выпуском обрабатывающих производств – малый бизнес остаётся одним из немногих источников новых рабочих мест и доходов, не требующих крупных инвестиций.

Исследование направлено на анализ вклада самозанятости и МСП в занятость, доходы населения и бюджет Волгоградской области, а также на выявление структурных изменений в секторе в 2017–2026 гг. по сравнению с регионами Южного федерального округа (ЮФО).

В рамках исследования были проверены две гипотезы. Первая предполагала, что увеличение предпринимательского сектора области происходит за счёт роста числа ИП и самозанятых, сопровождающегося сокращением юридических лиц и наёмной занятости, что указывает на структурное замещение, а не на расширение сектора. Вторая гипотеза предполагала, что экономический эффект от введения режима НПД в регионе связан в основном с легализацией, а не с фискальными последствиями.

Использованы срезы Единого реестра субъектов МСП и статистика самозанятых ФНС России [7], отчёт по форме 5-НПД [6], данные Волгоградстата и ЕМИСС [1–3], закон об исполнении областного бюджета за 2025 г. [5]. Плотность МСП рассчитана как число субъектов на 1000 жителей, занятость в секторе – по

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

методике показателя национального проекта [4]; доход и налог самозанятых за 2025 г. – как разность накопленных итогов отчёта 5-НПД. Республика Калмыкия, где из-за льготной ставки УСН 1% число субъектов МСП выросло в 3,2 раза, исключена из средних по округу.

Численность занятых в секторе МСП включает работников юридических лиц и ИП, самих ИП, а также самозанятых, не зарегистрированных как ИП и заявивших доход за последние 12 месяцев. Эти данные представлены в статистике ФНС на 31 декабря [4; 7]. В связи с тем, что официальные значения показателя не публикуются, приведены авторские расчеты. Средний доход рассчитан как годовой доход, разделенный на 12 и на среднегодовое число активных самозанятых. Поскольку в доход входит выручка ИП, использующих НПД, полученное значение представляет собой оценку сверху. При оценке бюджетного эффекта учитывалось, что НПД зачисляется в бюджет субъекта по нормативу 63%.

На 10.09.2026 в области было 33,5 субъекта МСП на 1000 жителей, что составило 72% от среднего по ЮФО без Калмыкии (46,2). Только в Астраханской области показатель оказался ниже (33,0). На область приходится 14,7% населения округа, но лишь 10,4% его субъектов МСП; до среднего уровня не хватает около 31 тыс. субъектов. Самозанятость отставание не компенсирует: на 1000 жителей в области приходится 89,8 самозанятых, тогда как по ЮФО их 108,3, а по России – 105,6.

За 2017–2026 гг. число субъектов МСП выросло лишь на 2,8% (ЮФО – на 13,9%, Россия – на 18,8%); только в 2025–2026 гг. область росла быстрее страны (+4,0 и +4,4%). Число юридических лиц сократилось на 40,5% (с 28,4 до 16,9 тыс.), число ИП выросло на 27,1%, доля ИП поднялась с 64,0 до 79,2% (по России – 70,0%). Численность работников субъектов МСП снизилась с 205,7 до 157,8 тыс. человек (-23,3% при -5,9% по России), на один субъект теперь приходится 1,9 работника против 2,6. Сектор растёт числом участников, но мельчает.

Число малых предприятий за тот же период сократилось на 28,9%, а численность их работников – с 89,4 до 60,8 тыс. человек. Тенденцию поддерживает структура новых регистраций: вновь созданных юридических лиц в 2026 г. было

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

в 3,3 раза меньше, чем в 2017 г., тогда как вновь созданных ИП – на 43,5% больше [7]. В 2026 г. на одно юридическое лицо приходилось 3,8 ИП (в 2017 г. – 1,8) и более 14 самозанятых. Эти результаты подтверждают первую гипотезу о структурном замещении.

Основной вклад в прирост обеспечила самозанятость: количество плательщиков НПД выросло с 21,5 тыс. на конец 2020 г. до 218,1 тыс. на конец 2025 г. (+28,7% за 2025 г. – второй результат в ЮФО). При этом число самозанятых в 2,7 раза превышает количество субъектов МСП. Тем не менее, доход за последние 12 месяцев указали только 63% самозанятых.

Субъекты МСП в 2024 г. создали 382,5 млрд руб. добавленной стоимости, что составляет 25,2% ВРП [1]. Этот показатель выше среднероссийского уровня (21,3% ВВП в 2022 г.), но ниже среднего по ЮФО (28,6% [2]). На конец 2025 г. в секторе, включая ИП и самозанятых, было занято 362,2 тыс. человек, или 28,5% занятых в экономике: 119,9 тыс. работников юридических лиц, 39,9 тыс. работников ИП, 62,5 тыс. самих ИП и 140,0 тыс. активных самозанятых [4; 7]. За 2025 г. показатель вырос на 10,1% целиком за счёт самозанятых и ИП, тогда как численность наёмных работников субъектов МСП уменьшилась на 2,1%; доля активных самозанятых среди занятых в МСП достигла 38,6%. В расчёте на население (14,9%) занятость в секторе минимальна в ЮФО наряду с Астраханской областью (ЮФО – 19,5%, Россия – 20,1%).

Самозанятые задекларировали за 2025 г. 35,8 млрд руб. дохода (≈ 2,3% ВРП); средний доход активного самозанятого составляет 24,1 тыс. руб. в месяц, что примерно 36% средней заработной платы. Это характерно для подработки, а не основной занятости. В областной бюджет НПД принёс 0,96 млрд руб. (0,76% налоговых и неналоговых доходов), тогда как УСН – 11,8 млрд руб., что в 12 раз больше [5]. В расчёте на одного плательщика разрыв достигает примерно 20 раз: около 151 тыс. руб. УСН на субъект МСП против 7,7 тыс. руб. НПД на активного самозанятого.

Начисленный НПД за 2025 г. составил 1,545 млрд руб [6], т. е. эффективная ставка – 4,3% дохода, что ближе к ставке для расчётов с физическими лицами

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

(4%), чем с организациями и ИП (6%). Фактические поступления в областной бюджет (960,8 млн руб.) отличаются от 63% начисленного налога (0,973 млрд руб.) примерно на 1% [5]. Добавленная стоимость, созданная МСП, за 2019–2024 гг. выросла в текущих ценах на 67,7% при росте ВРП в целом на 54,1% [1]. Однако рост доли МСП в ВРП с 23,1 до 25,2% отчасти обусловлен динамикой крупного бизнеса: максимум доли (26,9%) пришёлся на 2021 г., когда физический объём добавленной стоимости обрабатывающих производств сократился почти на четверть [1].

Методическая ценность результатов заключается в следующем. На примере Республики Калмыкия, где после введения ставки УСН 1% доля МСП в ВРП составила 52,5% [2], видно, что количество субъектов в реестре чувствительно к налоговым льготам и само по себе не отражает деловую активность. Для оценки экономического эффекта МСП необходимо учитывать численность работников, доходы и налоговые поступления. Работа имеет определённые ограничения, связанные с исходными данными: расчёт численности занятых не удалось сверить с официальным значением показателя, а срезы реестра на 10 сентября не показывают внутригодовую динамику.

Отставание области по развитию МСП – устойчивая структурная черта её экономики, связанная с наследием крупной промышленности и сокращением населения. Вход в предпринимательство смещается к наименее капиталоёмким формам; сходный сдвиг к «одиночной» самозанятости без наёмных работников наблюдается и в развитых странах [8]. Главный экономический эффект самозанятости – легализация занятости и доходов, а не пополнение бюджета; это согласуется с бразильским опытом, где снижение налогов повысило формализацию малого бизнеса, но обернулось чистыми потерями налоговых доходов [9]. Резерв роста отдачи сектора – переход самозанятых в статус ИП и микропредприятий. Для региональной политики предлагаются программы «лестницы роста» (самозанятый – ИП – микропредприятие), новые целевые показатели поддержки МСП

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

(плотность относительно среднего по ЮФО, доля юридических лиц, средний доход активных самозанятых) и муниципальный мониторинг МСП по открытым данным ФНС.

Список литературы

1. Волгоградстат. Валовая добавленная стоимость, созданная субъектами малого и среднего предпринимательства, и доля МСП в валовом региональном продукте Волгоградской области за 2019–2024 гг. – URL: https://34.rosstat.gov.ru/grp_main (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

2. ЕМИСС. Доля малого и среднего предпринимательства в валовом региональном продукте (показатель 60421). – URL: https://fedstat.ru/indicator/60421 (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

3. ЕМИСС. Предварительная численность постоянного населения на 1 января (показатель 62296). – URL: https://fedstat.ru/indicator/62296 (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

4. Методика расчета показателя «Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых» : приложение №18 к постановлению Правительства Российской Федерации : от 03.04.2021 №542.

5. Об исполнении областного бюджета за 2025 год : закон Волгоградской области : от 14.07.2026 №52-ОД. – URL: https://www.garant.ru/hotlaw/volga/2189901/ (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

6. ФНС России. Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу на профессиональный доход (форма №5-НПД) по состоянию на 01.01.2025 и 01.01.2026. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn34/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

7. ФНС России. Статистика Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства и сведений о самозанятых гражданах. – URL:

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

8. Boeri, T. Machin S. Solo self-employment and alternative work arrangements: A cross-country perspective on the changing composition of jobs / T. Boeri, G. Giupponi, A. B. Krueger // Journal of Economic Perspectives. – 2020. – Vol. 34, No. 1. – P. 170–195.

9. Rocha, R. Do lower taxes reduce informality? Evidence from Brazil / R. Rocha, G. Ulyssea, L. Rachter // Journal of Development Economics. – 2018. – Vol. 134. – P. 28–49.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)